Елена Степанова

Вера Льва Толстого: тождество состояния и содержания

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-2-377-406

Elena Stepanova

Leo Tolstoy's Faith: The Equivalence of State of Mind and Content

Elena Stepanova — Ural Federal University; Institute for Philosophy and Law, Ural Branch, Russia Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia). stepanova.elena.a@gmail.com

The article discusses Tolstoy's faith in the unity of its two sides: as the state of mind of its carrier, and in terms of its content and life principles that flow from it. It is shown that at the same time and in the same respect Tolstoy was the bearer of a faith and its investigator; therefore, its adequate interpretation is possible only if the principles established by him for himself are taken into account instead of abstract and outward interpretation of what faith should be. The article considers Tolstoy's expression of the essence of his faith in numerous works, letters, diaries, etc. during the last thirty years of his life. The article shows the equivalence of Tolstoy's state of mind and the content of his faith, as well as its purely individual character. The conclusion is made about the significance of Tolstoy's understanding of faith for us today.

Keywords: Leo Tolstoy, faith, Christianity, non-violence, tolerance, individualism.

Введение: «неоткрытость» Толстого

Проблема преемственности и/или разрыва между художественным и религиозно-философским творчеством Толстого и сущности его духовного кризиса всегда вызы-

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект «Концепции конфликта и согласия в российской общественной мысли в контексте европейских подходов (XVIII–XX вв.)», грант № 18-18-00216.

вала и продолжает вызывать огромное количество споров[1]. Попытки понять этот процесс, происходивший буквально на глазах современников Толстого в России и в мире, с самого начала породили взаимоисключающие мнения. С одной стороны, С.Л. Франк, как и многие другие, писал о том, что Толстой, как и прочие «дважды рожденные» натуры, пережил отречение от старого и духовный переворот[2]. С другой стороны, Г.В. Флоровский сомневался в подлинности перелома в жизни Толстого и утверждал: «Не было рождения “нового человека”. Не было мистического откровения, встречи, прорыва. И не было перемены во взглядах»[3]. До сих пор весьма распространено мнение, высказанное в свое время многими русскими философами, согласно которому Толстой был гениальным писателем и посредственным мыслите-

1. Для западных исследований Толстого последних десятилетий характерно появление новой волны интереса ко второму периоду его творчества (1880–1910 гг.). Среди работ, которые в той или иной степени имеют отношение к теме моей статьи, стоит упомянуть следующие: Gustafson, R.F. (1986) *Leo Tolstoy, Resident and Stranger: A Study in Fiction and Theology*. Princeton: Princeton University Press (в русском переводе: *Ричард Ф. Густафсон*. Обитатель и Чужак. Теология и художественное творчество Льва Толстого. Санкт-Петербург: Академический проект, 2003; Orwin, Donna T. (1993). *Tolstoy's Art and Thought, 1847–1880*. Princeton: Princeton University Press (в русском переводе: *Донна Орвин*. Искусство и мысль Толстого. 1847–1880. Санкт-Петербург: Академический проект, 2006); Medzhibovskaya, I. (2009) *Tolstoy and the Religious Culture of His Time: A Biography of a Long Conversion*, 1845–1887. Lanham, MA: Lexington books / Rowman & Littlefield; Paperno, I. (2014) *"Who, What Am I?": Tolstoy Struggles to Narrate the Self*. Cornell University Press (в русском переводе: *Ирина Паперно*. «Кто, что я?»: Толстой в своих дневниках, письмах, воспоминаниях, трактатах. М.: Новое литературное обозрение, 2018); McLean, H. (2008) *In Quest for Tolstoy*. Brighton, MA: Academic Studies Press; Medzhibovskaya, I. (ed.) (2019). *Tolstoy and His Problems: Views from the Twenty-First Century*. Northwestern University Press. Среди отечественных исследований особое значение имеют следующие: *Гусейнов А.А., Щедрина Т.Г.* Лев Николаевич Толстой. М.: РОССПЭН, 2014; *Гусейнов А.А.* Разумная вера Л.Н. Толстого // Сравнительная философия. Знание и вера в контексте диалога культур. М.: «Восточная литература» РАН, 2008; *Гельфонд М.Л.* Вера как стратегия жизни (Размышления о природе веры Л.Н. Толстого) // Этическая мысль. М., 2009. Выпуск 9; *Гельфонд М.Л.* Л.Н. Толстой как философ: Pro et Contra // Этическая мысль. М., 2010. Выпуск 10; *Гусейнов А.А.* Философское наследие Л.Н. Толстого. Интервью Предрага Чичовачки // Философский журнал. 2018. Т. 11. № 2; *Зорин А.* Жизнь Льва Толстого: опыт прочтения. М.: Новое литературное обозрение, 2020.
2. *Франк С.Л.* Памяти Льва Толстого // Л.Н. Толстой: Pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. Санкт-Петербург: Издательство Русского христианского гуманитарного института, 2000. С. 547.
3. *Флоровский Г.В.* У истоков // Л.Н. Толстой: Pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей. С. 677.

лем[4] («многоталантливым художником» и «совершенно бесталанным философом», по выражению Н.Ф. Федорова[5]). По словам С.Л. Франка, первый пользуется безграничным признанием, второй почти повсеместно и безусловно отвергается»[6].

Причины такого двойственного отношения весьма многообразны, но в самом общем виде их можно объяснить, на мой взгляд, необычайной масштабностью тех задач, которые Толстой как духовный реформатор ставил перед собой и которые нелегко поддаются адекватному осмыслению, что часто приводит к возникновению простой схемы объяснения по принципу или/или. Если говорить о России, то вслед за О. Седаковой можно констатировать, что здесь до сих пор имеет место «поразительная неоткрытость»[7] Толстого, для которой также есть множество причин. Положительная оценка Толстого как художника и отрицательная — как мыслителя — сегодня актуализируется в связи с возобновлением дискуссии по поводу Определения Святейшего синода от 20–22 февраля 1901 г. об отпадении Толстого от церкви и обсуждением проблем, возникших в связи с отношением Толстого к православию[8]. Кроме того, имеется парадоксальный факт: до недавнего времени бо́льшая часть религиозно-философских трудов Толстого на самом деле была малодоступна широкому кругу читателей в России, поскольку многие из них давно или никогда не переиздавались, а 90-томное Полное собрание сочинений стало библиографической редкостью[9].

4. См.: *Гельфонд М.Л.* Л.Н. Толстой как философ: Pro et Contra // Этическая мысль. Выпуск 10. М., 2010.
5. *Федоров Н.Ф.* Письмо к В.А. Кожевникову // Л.Н. Толстой: Pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей. С. 193.
6. *Франк С.Л.* Нравственное учение Л.Н. Толстого // Л.Н. Толстой: Pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей. С. 299. Сегодня в России представление о Толстом как о посредственном мыслителе отстаивает протоиерей Георгий Ореханов, который считает, что Толстой в своих философских трактатах так и не сумел представить «законченную религиозную доктрину» (*Ореханов Георгий* [протоиерей]. Лев Толстой. «Пророк без чести»: хроника катастрофы. М.: Эксмо, 2016).
7. *Седакова О.А.* Весть Льва Толстого // Лев Николаевич Толстой. С. 37. См. также: Гусейнов А.А. Философское наследие Л.Н. Толстого (интервью Предрага Чичовачки). С. 19.
8. См.: *Ореханов Г. свящ.* Русская Православная Церковь и Л. Н. Толстой: конфликт глазами современников. М.: Издательство ПСТГУ, 2010.
9. Положение дел радикально изменилось с момента появления электронной версии 90-томного Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого (http://tolstoy.ru/creativity/90-volume-collection-of-the-works/).

Эта статья посвящена рассмотрению веры Толстого с учетом единства двух ее сторон: во-первых, как *состояния* ее носителя, его внутреннего ощущения, которое было для него тождественным жизни как таковой; во-вторых, с точки зрения *содержания* веры, то есть того, что она включала в себя и какие вследствие этого жизненные принципы подразумевала. На протяжении тридцати лет (1879–1910 гг.) Толстой писал о своей вере в разных жанрах — в эссе, публицистических произведениях, в письмах, дневниках и записных книжках, — и его понимание, оставаясь верным первоначальному озарению, постоянно изменялось, уточнялось и углублялось[10]. М.Л. Гельфонд, говоря о важности этой темы для Толстого, отмечает: «Не будет преувеличением утверждение о том, что все его философские и богословские сочинения в той или иной мере посвящены проблеме веры»[11]. В этой статье исследуется понимание Толстым веры как процесса, который отличался исключительной последовательностью и цельностью благодаря тождеству нескольких его составляющих: во-первых, вера понималась как основа человеческого существования, во-вторых, ее содержанием было христианское учение о ненасилии, в третьих, из этого содержания вытекали принципы повседневного поведения. В доказательстве этого тождества и заключается главная цель статьи.

Прежде чем исследовать веру Толстого в единстве ее экзистенциального и предметного смысла, выскажу несколько предварительных замечаний. Во-первых, Толстой одновременно и в одном и том же отношении *испытывал* веру и *описывал* ее как для самого себя, так и для внешней аудитории, то есть одновременно был как ее носителем, так и исследователем. Поэтому интерпретация веры Толстого как таковой, будучи одновременно и интерпретацией его понимания веры, имеет смысл только в том случае, если она учитывает те принципы, которые он сам для себя установил, а не исходит из какого бы то ни было абстрактного и внешнего понимания веры, тем более что представление Толстого о вере почти не имеет аналогов в истории человеческой мысли. Во-вторых, хорошо известно, что обретение Толстым веры повлекло за собой радикальную перемену всей его жизни. В письме

10. К сожалению, объем этой статьи не позволяет подробно рассмотреть эволюцию представлений Толстого о вере и детально проследить эти изменения и уточнения.

11. *Гельфонд М.Л.* Вера как стратегия жизни. С. 65.

Александре Андреевне Толстой он свидетельствовал об этом так: «Все, что̀ я знал прежде, все перевернулось и все, стоявшее прежде вверх ногами, стало вверх головами»[12]. Это признание само по себе характеризует уникальное место обретения веры для Толстого в его творчестве и жизни. Ниже я рассмотрю понимание веры Толстым исключительно на основе его собственных высказываний или их изложения в максимально близкой к оригиналу форме.

Проблема артикуляции веры

Одна из самых первых попыток *profession de foi* Толстого содержится в письме А.А. Толстой в апреле-мае 1859 г., где он упоминает о свой сентиментальной подростковой вере, которая затем разрушилась, но на ее место пришла «умственная экзальтация», уже тогда (в 1852–53 гг.) приведшая к мыслям о бессмертии и любви. Он пишет: «Эти открытия удивили меня сходством с христианской религией, и я вместо того, чтобы открывать сам, стал искать их в Евангелии, но нашел мало»[13]. И здесь же Толстой формулирует свой важнейший «методологический» принцип: «Кроме того, жизнь у меня делает религию, а не религия жизнь»[14]. Это значит, что исходным и конечным пунктом на пути к вере был он сам и его уникальный жизненный опыт — Толстой говорил об этом множество раз и в конце жизни выразил это так: «Главный и в сущности единственный вопрос человеческой жизни — только в том, как мне жить, т. е. что мне делать? Для того же, чтобы ответить на этот вопрос человеку, ему нужно узнать — кто он?»[15]

Этот путь обретения себя был долог и постепенен, и на его первоначальном этапе было несколько важных остановок. Первая из них — это обращение к опыту других людей в форме научных теорий, философских учений и религиозных доктрин, которые Толстой внимательно изучал и затем отказывался от них, что подробно описано им в религиозно-философских произведе-

12. *Толстой Л.Н.* Письмо А.А. Толстой от 2–3 февраля 1880 г. // *Лев Николаевич Толстой.* Полное собрание сочинений в 90 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1935–1958. Т. 63. С. 8.

13. *Толстой Л.Н.* Письмо А.А. Толстой, апрель — конец мая 1859 г. // ПСС. Т. 60. С. 293.

14. Там же. С. 294.

15. *Толстой Л.Н.* Письмо П. П. Соколову от 11 апреля 1910 г. ПСС. Т. 81. С. 222–223.

ниях 1879–84 гг. Здесь важно указать причины этого отказа, которые, на мой взгляд, заключаются в следующем: с точки зрения Толстого, во-первых, научное знание по своей природе не может ставить перед собой вопрос о смысле жизни. Во-вторых, философские концепции, хотя и признают законность самого этого вопроса, но на самом деле не могут на него ответить в силу того обстоятельства, что задачей «истинной философии», по мнению Толстого, является лишь его постановка, но не ответ на него; таким образом, «вместо ответа получается тот же вопрос, только в усложненной форме»[16]. Наконец, что касается христианской религии в ее традиционном понимании, то здесь главная проблема для Толстого заключается в том, что каждая конфессия утверждает себя в качестве единственно истинной, отказывая в этой истинности всем другим и тем самым создавая неразрешимое противоречие:

> Если взять какую бы то ни было веточку из раскидистого куста, то совершенно справедливо будет сказать, что от веточки к веточке, и сучка к суку, и от сука к корню всякая веточка преемственна от ствола, но не всякая одна исключительно преемственна. Все одинаковы. Сказать, что всякая веточка есть одна настоящая веточка, будет нелепо[17].

Вторая остановка — это глубокие душевные переживания, связанные с ощущением полной утраты смысла жизни и страха смерти, подобные «арзамасскому ужасу»[18]. Здесь важно то, что по признанию самого Толстого, к новому религиозному сознанию его привело не рассудочное признание отсутствия смысла жизни, не рациональный поиск его приемлемого объяснения, но

> чувство всего существа. Разница — признать умом или быть приведенным к пропасти и ужаснуться, увидав ее. Мне кажется, что только это одно приводит к истинной непоколебимой вере: только

16. *Толстой Л.Н.* Исповедь. ПСС. Т. 23, С. 20.

17. *Толстой Л.Н.* Соединение и перевод четырех Евангелий. ПСС. Т. 24. С. 11.

18. Толстой весьма сдержанно описывал свои переживания в Арзамасе в письме С.А. Толстой от 4 сентября 1869 г.: «Но вдруг на меня нашла тоска, страх, ужас такие, каких я никогда не испытывал... и никому не дай Бог испытать» (ПСС. Т. 83. С. 167). Более красочное описание содержится в «Записках сумасшедшего».

> изведав погибельность *всех* путей, кроме единого истинного, непоколебимо станешь на истинном[19].

Толстой признает, что могут быть и другие — положительные — пути для «более чутких и чистых натур»[20], в том числе, откровение, но его случай — отрицательный путь, вытекающий не столько из любви к истине, сколько из сознания бесполезности и даже гибельности всех остальных путей.

В результате Толстой подобно Декарту[21] убедился в том, что достоверно существует только собственное «я», но «я» страдающее, лишенное доступа к смыслу жизни, после чего все понятия, которые имеют к этому отношение — о боге, свободе, добре — были подвергнуты им логическому исследованию и не выдержали критики разума. После последовательного отказа от всех ранее достигнутых человечеством вариантов ответа на вопрос о смысле жизни Толстой оказывается наедине с самим собой, и у него остается последний вопрос — «самый простой вопрос, лежащий в душе каждого человека, от глупого ребенка до мудрейшего старца»[22]. Это предельный вопрос: «Есть ли в моей жизни такой смысл, который не уничтожался бы неизбежно предстоящей мне смертью?»[23], и предельный ответ на него, который обнаруживает Толстой, заключается в следующем: вера — это «знание смысла человеческой жизни, вследствие которого человек не уничтожает себя, а живет»[24]. Этот смысл не может заключаться в каком-либо учении, предлагаемом наукой, философией или религией, поскольку в этом случае он является не чем иным, как «призрачностью конечного»[25]. Смысл же, который не уничтожается ничем, поскольку он выходит за пределы всего, может быть только смыслом бесконечного: «Всякий ответ веры конечному

19. *Толстой Л.Н.* Дневник, 24 октября 1889 г. ПСС. Т. 50. С. 161–162.

20. Там же. С. 162.

21. В 1875 г. в работе «О душе и жизни ее вне известной и понятной нам жизни» Толстой писал: «Не знаю, в какой степени точно выражение Декарта: я мыслю, потому я живу; но знаю, что, если я скажу: я знаю [несомненно одно] прежде всего себя: то, что я живу, — то это не может быть не точно» (ПСС. Т. 17. С. 351).

22. Толстой Л.Н. Исповедь. ПСС. Т. 23. С. 16.

23. Там же.

24. Там же. С. 35.

25. Там же. С. 33–34.

существованию человека придает смысл бесконечного, — смысл, не уничтожаемый страданиями, лишениями и смертью»[26].

Таким образом, вера, без которой, согласно Толстому, жизнь невозможна, не есть надежда на осуществление ожидаемого и доверие к свидетельству истины, но она есть «внутренняя неизбежность убеждения, которая становится основой жизни»[27], душевное состояние, являющееся ощущением бесконечного. Такая вера направляет деятельность человека, ставит его в строго определенное положение к миру и диктует его повседневное поведение, в результате чего «он естественно поступает соответственно этому положению»[28]. Эта вера никогда не бывает неразумной, несогласной с существующими знаниями, она не содержит в себе ничего противного разуму, а, наоборот, разъясняет все, что без нее представляется неразумным и противоречивым[29]. В свою очередь, разуму нельзя не верить, потому что он дан человеку Богом и происходит из той самой бесконечности, которая делает веру возможной.

Итак, вера есть осознанное человеком отношение к бесконечному[30], жизнь в перспективе бесконечности, «результат интуитивно познанного нравственного смысла бесконечности жизни»[31]. Такое открытие веры в себе, безусловно, не может не приводить к полному пересмотру всех ценностей и приоритетов, к тому, чтобы «все, что было справа, — стало слева, и все, что было слева, — стало справа»[32]. Фундаментальным качеством такой веры

26. Там же. С. 35.

27. *Толстой Л.Н.* Соединение и перевод четырех Евангелий. ПСС, т. 24, с. 795.

28. *Толстой Л.Н.* Что такое религия и в чем сущность ее? ПСС. Т. 35. С. 170.

29. Там же. С. 171–172. На мой взгляд, частое обвинение Толстого в рационализме (см., например: *Бердяев Н.* Ветхий и Новый Завет в религиозном сознании Л. Толстого // Л.Н. Толстой: Pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей) не имеет под собой никаких оснований, поскольку Толстой вообще не придерживался традиционной дихотомии разума и чувств и рационально и иррационального; для него разум являлся единственным и естественным способом восприятия жизни, данным Богом человеку. Подробнее о соотношении веры и разума у Толстого см.: *Гельфонд М.Л.* Вера как стратегия жизни (Размышления о природе веры Л.Н. Толстого).

30. Самым близким к пониманию Толстым веры является определение религии Ф. Шлейермахером как «чувства и вкуса к бесконечному».

31. *Джемс В.* Многообразие религиозного опыта. Санкт-Петербург. «Андреев и сыновья». 1992. С. 201.

32. *Толстой Л.Н.* В чем моя вера? ПСС. Т. 23. С. 304.

является ее универсальность, поскольку бесконечное, присутствие которого человек посредством веры ощущает в своей душе и частью которого является, не может быть партикулярным, но является универсальным.

Вера как ощущение бесконечного в человеке есть способ обнаружения Бога. Толстой неоднократно подчеркивал, что сначала надо обрести веру, а потом Бога, но не наоборот[33]. Обретение Бога начинается с чувства сиротства и одиночества, потери веры в себя и надежды на чью-то помощь, но пока Бог остается внешним объектом, на который направлена вера, он на самом деле только все больше удаляется от человека. В конечном счете, пишет Толстой, Бога можно познать только в своей душе, но лишь в той мере, в какой он открывается человеку, а вместе с Богом найти и самого себя. Этот поиск не имеет завершения, самое главное в нем — постоянное движение, утраты и обретения, и в то же время парадоксальное тождество процесса и результата, происходящее здесь и сейчас:

> То, во что надо верить — тайна — есть условие всякой жизни — движения. Без тайны не было бы возможности движения вперед к неизвестному. Если бы я был там, куда я иду, я не шел бы. Движение к этому неизвестному и есть жизнь. Любовь к этому неизвестному есть вера. Идти все-таки во всяком случае будешь. Но вера сделает то, что будешь идти с радостью[34].

Об этом познанном и непознаваемом Боге были последние слова Толстого за несколько дней до смерти: «Бог есть то неограниченное Все, чего человек сознает себя ограниченной частью. Истинно существует только Бог. Человек есть проявление Его в веществе, времени и пространстве[35]. Обретенное в вере «я» оказывается частью бесконечности, которая едина с Богом в той мере, в какой человек ощущает Бога в своей душе.

33. Толстой Л. Н. Исповедь. ПСС. Т. 23. С. 35.

34. *Толстой Л.Н.* Дневник и записные книжки 1890 г. запись от 3 января. ПСС. Т. 51. С. 13–14.

35. *Толстой Л.Н.* Дневник для себя. 31 октября 1910 г. ПСС. Т. 58. С. 143.

Просто христианство

В 1859 г. Толстой в процитированном выше письме признался в том, что мало нашел важного для себя в Евангелии. Через двадцать лет все изменилось:

> Я не знал света, думал, что нет истины в жизни..., я стал искать источник его и нашел его в Евангелиях... И, дойдя до этого источника света, я был ослеплен им и получил полные ответы на вопросы о смысле моей жизни и жизни других людей, ответы, вполне сходящиеся со всеми мне известными ответами других народов и на мой взгляд превосходящие все[36].

В последующие тридцать лет Толстой множество раз в самых разных жанрах и формах — от художественных произведений до записей в «Дневнике для себя» — неустанно разъяснял свое понимание христианства самым разным людям — друзьям и врагам, сторонникам и противникам. Произведения Толстого, в которых излагалось его понимание христианства, несмотря на цензурные запреты, были хорошо известны еще при его жизни, и по их поводу высказывались и продолжают высказываться множество людей, придерживающихся самых разных, часто противоположных взглядов. 15 июня 1881 г. обер-прокурор Священного Синода К.П. Победоносцев в послании к Толстому по поводу его просьбы о прощении убийц императора Александра II писал: «Прочитав письмо Ваше, я увидел, что Ваша вера одна, а моя и церковная другая, и что наш Христос — не Ваш Христос»[37]. И надо признать, что он был по-своему прав: действительно, Христос Толстого не имеет никакого отношения к Христу Победоносцева.

Толстой, излагая свое понимание христианства, постоянно подчеркивал, что он ищет в новозаветных текстах только то, что понятно ему самому[38]. Другими словами, он исходил из своего внутреннего права принять или отвергнуть любые части этого текста. Но именно это обстоятельство вызывало самые большие нарекания со стороны его критиков, в том числе, и вполне доброжелательных. Так, В.В. Зеньковский называл Толстого жерт-

36. *Толстой Л.Н.* Краткое изложение Евангелия. ПСС. Т. 24. С. 807.

37. Письмо К.П. Победоносцева Толстому цитируется по: *Толстой Л.Н.* ПСС. Т. 63. С. 59.

38. *Толстой Л.Н.* Соединение и перевод четырех Евангелий. ПСС. Т. 24. С. 18.

вой «соблазна индивидуализма»[39], человеком, который «никогда не интересовался Евангелием объективно»[40], в своей «религиозной системе опирался исключительно на собственный религиозный опыт, а из Евангелия брал то, что соответствовало этому опыту»[41]. Однако если признать право Толстого (как и любого другого человека) на собственную интерпретацию Евангелия (как и любого другого текста), то независимо от согласия или несогласия с его интерпретацией главным будет принятие этого его права и установленных им для себя принципов. Учитывая тот факт, что Библия была написана людьми с их достоинствами и недостатками, предрассудками и озарениями, вероятно, следует согласиться и с тем, что все ее читатели имеют такое же право на собственные предрассудки и озарения. Кроме того, это право подразумевает отсутствие обязательств по отношению к догматическим правилам, установленным традицией и церковными институциями в отношении интерпретации новозаветных текстов. Именно это обстоятельство принципиально отличает Толстого от множества христианских мыслителей и является главной причиной раздражения и негодования его критиков.

Так что же искал и что нашел Толстой в Евангелии? Искал он, по его собственному признанию, единую истину, какой должна быть вера. Первоначально он обратился к разнообразным церковным истолкованиям христианства, но ни в одном из них эту единую истину не нашел. Это оказалось невозможным, потому что христиане почти с самого начала разделились между собой, и у каждой стороны появилась потребность «утверждать свою истинность, приписывая себе непогрешимость»[42]. Но для Толстого истина была единой, которая — если она истина — должна была быть единой для всех. Соответственно, если каждая церковь считает свою истину единственной, то это значит, что ни одна из них истиной не обладает: «Очевидно, что церкви одной никогда не было и нет, что церквей не одна, не две, а тысячи две, и что все друг друга отрицают и только утверждают, что каждая истин-

39. *Зеньковский В.В.* Проблема бессмертия у Л.Н. Толстого // Л.Н. Толстой: Pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей. С. 527.

40. Там же. С. 525.

41. Там же. С. 507.

42. *Толстой Л.Н.* Царство Божие внутри нас. ПСС. Т. 28. С. 46.

ная и единая»[43]. Для того чтобы понять христианство, надо изучать «только одно учение Христа, как оно дошло до нас, т. е. те слова и действия, которые приписываются Христу»[44]. В Дневнике от 21 июля 1910 г. Толстой, рассуждая о том, как следует воспринимать текст Евангелия, замечает: «Читать надо Евангелие и все книги, признаваемые Св. Писанием, точно так же обсуживая их содержание, как мы обсуживаем содержание всех тех книг, которые читаем»[45].

Единую истину христианства Толстой нашел в заповеди непротивления злу насилием, которую ему пришлось открывать как нечто новое «после 1800 лет исповедания Христова закона миллиардами людей, после тысяч людей, посвятивших свою жизнь на изучение этого закона»[46]. О непротивлении в интерпретации Толстого написано бессчетное количество работ, как восторженных, так и критических. Здесь особенно важно еще раз обратить внимание на то, *как* именно Толстой формулирует свое понимание ненасилия в качестве главного содержания христианства. Он пишет о том, что 39 стих из 5 главы Евангелия от Матфея стал для него ключом ко всему учению Христа, подчеркивая, *что* именно для него явилось самым важным: «Я вдруг в первый раз понял этот стих прямо и просто. Я понял, что Христос говорит *то самое, что говорит* (курсив мой. Е.С.)»[47]. Это и есть та точка, в которой происходит обращение Толстого, «мгновенное устранение всего того, что скрывало смысл учения, и мгновенное озарение светом истины»[48]. После этого все прежние представления перестают иметь значение и происходит духовный переворот:

> И стоило мне понять эти слова просто и прямо, как они сказаны, и тотчас же во всем учении Христа, не только в нагорной проповеди, но во всех Евангелиях, все, что было запутано, стало понятно, что было противоречиво, стало согласно; и главное, что казалось излишне, стало необходимо. Все слилось в одно целое и несомнен-

43. *Толстой Л.Н.* Соединение и перевод четырех Евангелий. ПСС. Т. 24. С. 10.
44. *Толстой Л.Н.* Краткое изложение Евангелия. ПСС. Т. 24. С. 814.
45. *Толстой Л.Н.* ПСС. Т. 58. С. 82.
46. *Толстой Л.Н.* В чем моя вера? ПСС. Т. 23. С. 335.
47. Там же. С. 310.
48. Там же. С. 306.

> но подтверждало одно другое, как куски разбитой статуи, составленные так, как они должны быть[49].

Ненасилие тождественно любви, а любовь — это и есть Бог, и то единственное, что человек может знать о Боге[50]. Вера Богу, живущему в душе человека и через учение Христа указывающему ему на то, как он должен жить по воле Бога, есть единственное условие исполнения заповеди ненасилия[51]. Для исполнения этой заповеди, уверен Толстой, не требуется сверхъестественная помощь, она вполне по силам человеку, являясь ясным, определенным, важным и исполнимым правилом[52]. Как пишет А.А. Гусейнов, «нет никакого иного способа преодоления насилия, кроме отказа совершать его, и ничто не может помешать человеку, осознавшему эту истину, следовать ей, если он решил сделать это»[53]. Непротивление означает неделание различия между собой и всеми другими людьми, к какой бы вере, расе, народности и т.д. они ни относились. Непротивление означает исполнение воли Бога, которая заключается в том, «чтобы люди любили друг друга и вследствие этого поступали бы с другими так, как они хотят, чтобы поступали с ними»[54].

В неотправленном письме Н.Н. Страхову, написанному в ноябре 1879 г., Толстой признавался:

> В учении Христа я нашел одну особенную черту, отличающую его от всех учений. Он учит, толкует, почему смысл нашей жизни тот, кот[орый] он дает ей. Но притом всегда говорит, что надо исполнять то, что он говорит, и тогда увидишь, правда ли то, что он говорит[55].

Это тождество веры и дел для Толстого вытекало из самой сути заповеди непротивления, в которой выражен весь смысл учения Христа, поскольку непротивление подразумевало действие: за-

49. Там же. С. 311–312.

50. *Толстой Л.Н.* Письмо Е.Д. Поспеловой 11 мая 1907 г. ПСС. Т. 77. С. 102.

51. *Толстой Л.Н.* Единая заповедь. ПСС. Т. 38. С. 115.

52. *Толстой Л.Н.* В чем моя вера? ПСС. Т. 23. С. 365.

53. *Гусейнов А.А.* Философское наследие Л.Н. Толстого. Интервью Предрага Чичовачки. С. 12.

54. *Толстой Л.Н.* Ответ на определение Синода от 20–22 февраля и на полученные мною по этому случаю письма. 4 апреля 1901 г. ПСС. Т. 34. С. 251.

55. *Толстой Л.Н.* ПСС. Т. 62. С. 502.

мену зла и насилия добром и согласием[56]. Но такое действие возможно, во-первых, только благодаря вере, которая есть единственная причина добрых дел, а добрые дела, в свою очередь, являются неизбежными последствиями веры[57]. Во-вторых, это действие является естественным, вытекающим из любви, ставшей силой жизни, которая указывает человеку, что и как он должен делать:

> Люди, верующие в путь жизни, подобны, по изречению Христа, источнику воды живой, то есть бьющему из земли источнику. Вся их деятельность подобна течению воды, которая течет всюду, везде, несмотря на препятствия, задерживающие ее. Человек, верующий в учение Христа, так же мало может спрашивать, что ему положительного делать, как не может этого спрашивать источник воды, бьющей из земли. Он течет, напояя землю, траву, деревья, птиц, животных, людей[58].

Толстой постоянно повторял, что христианское учение «есть ясное, глубокое и *простое* (курсив мой. — *Е.С.*) учение жизни, отвечающее высшим потребностям души человека»[59], и называл свою уверенность в простоте христианства «ужасной и радостной истиной»[60]. Эта простота определялась тем, что истина христианства, понимаемая как любовь к Богу и к ближнему, есть положение, которое не требует никаких дополнительных разъяснений: «оно одно, потому что оно все»[61]. Это учение заключается только в том смысле, которое оно придает жизни, в нем нет никакой мистики, ничего таинственного и непонятного, но есть лишь уверенность в том, что только в этом случае жизнь может быть благом[62]. Для того, чтобы верить в Бога как в любовь «людям нужно только верить в то, что действительно есть..., в то, во что нельзя не верить»[63].

56. *Толстой Л.Н.* Письмо Н. Крастину от 21 мая 1901 г. ПСС. Т. 73. С. 77.
57. *Толстой Л.Н.* Исследование догматического богословия. ПСС. Т. 23. С. 244.
58. *Толстой Л.Н.* «Трудолюбие, или торжество земледельца (предисловие к произведению Т.М. Бондарева)». ПСС. Т. 25. С. 471.
59. *Толстой Л.Н.* Соединение и перевод четырех Евангелий. ПСС. Т. 24. С. 7.
60. *Толстой Л.Н.* В чем моя вера? ПСС. Т. 23. С. 357.
61. *Толстой Л.Н.* «Трудолюбие, или торжество земледельца (предисловие к произведению Т. М. Бондарева)». ПСС. Т. 25. С. 470.
62. Там же.
63. *Толстой Л.Н.* Единая заповедь. ПСС. Т. 38. С. 110.

И менее всего для такой веры нужна вера в воскресение Христа как в чудо, что, по мысли Толстого, «прямо противно учению Христа»[64]. Наоборот, Толстой уверен в том, что именно смерть Христа оказывается условием исполнения его учения. В работе «Соединение и перевод четырех Евангелий» он так излагает слова Христа о своей смерти:

> Но верно говорю вам, что это хорошо для вас, что я отхожу. Если я не умру, то не явится к вам дух истины, а если умру, то он вселится в вас. Он вселится в вас, и вам будет ясно, в чем ложь, в чем истина, в чем решение[65].

Другими словами, «воскресение» Христа для Толстого имеет смысл только как осуществление его учения, и поэтому каждый, кто принимает это учение, тем самым воскрешает в себе Христа. Христос жив, пока живы те, для кого его учение есть истина жизни. В письме Н.Н. Ге (отцу) от 2–3 марта 1884 г. Толстой писал: «Ни за что не поверю, что он воскрес в теле, но никогда не потеряю веры, что он воскреснет в своем учении»[66].

Если признать право Толстого на то, чтобы видеть в Новом Завете тот смысл, который был ему наиболее близок, то тогда Христос оказывается неразрывно связан с личностью самого Толстого как его интерпретатора. Более того, именно эта связь образа Христа с уникальным жизненным опытом Толстого является условием своеобразного «воскресения» Христа в Толстом, как и в каждом следующем читателе библейского текста.

Толстой понимает, что вера в любовь, не имеющую никакого внешнего образа, и почитание Бога, которое не определено никакой формой, временем и местом, большинству людей кажется чем-то неясным и даже сомнительным[67]. В то же время даже человеку, убежденному в истинности своей веры, трудно не усомниться в ней, «когда он узнает про то, как другие люди точно так же уверены в истинности своих вер и признают его веру ложною»[68]. Выход из этого противоречия, которое, как показано выше, разрушило, с точки зрения Толстого, истину церков-

64. *Толстой Л.Н.* Соединение и перевод четырех Евангелий. ПСС. Т. 24. С. 792.

65. Там же. С. 757.

66. *Толстой Л.Н.* ПСС. Т. 63. С. 160.

67. *Толстой Л.Н.* Единая заповедь. ПСС. Т. 38. С. 104.

68. Там же. С. 105.

ного христианства, заключается в признании любви как одного предмета веры и единого принципа жизни, общего для всех людей. Человек, который признает любовь как такой общий для всех предмет веры, не может иметь никаких сомнений в ее истинности[69], а христианство, сосредоточенное на любви как основе жизни, совпадает с «основными положениями браманизма, конфуцианства, таоизма, еврейства, буддизма, даже магометанства», и так же, как и все эти учения является простым, понятным и немногосложным[70]. Общая заповедь, основные положения которой одинаковы во всех вероисповеданиях в силу единства человеческой природы[71], по мысли Толстого,

> определяет отношение человека к Богу, как части к целому; из этого отношения выводит назначение человека, состоящее в увеличении в себе божественного свойства; назначение же человека выводить практические правила из правила: поступать с другими, как хочешь, чтобы поступали с тобою[72].

Именно это требует от людей вложенный в них Богом разум, который у всех людей один. Разум соединяет людей — близких и далеких, ушедших, живущих и еще не родившихся — в способности любить друг друга:

> Так мы пользуемся всем тем, что произвел разум и Исайи, и Христа, и Будды, и Сократа, и Конфуция, и всех людей, живших до нас и веривших разуму и служивших ему. Поступай с другими так, как ты хочешь, чтобы поступали с тобою, не мсти людям, делающим тебе злое, а плати добром за зло, будь воздержен, целомудрен, не только не убивай людей, но не гневайся на них, соблюдай мир со всеми, и мн[огое] др[угое], все это произведения разума и все это проповедовалось одинаково и буддистами, и конфуцианами, и христианами, и таосистами, и мудрецами греческими и египетскими, и всеми добрыми людьми нашего времени[73].

69. Там же. С. 105.

70. *Толстой Л.Н.* Что такое религия и в чем сущность ее? ПСС. Т. 35. С. 190.

71. *Толстой Л.Н.* Дневник от 13 февраля 1907 г. ПСС. Т. 56. С. 15.

72. *Толстой Л.Н.* Что такое религия и в чем сущность ее? ПСС. Т. 35. С. 191.

73. *Толстой Л.Н.* Письмо В.К. Заволокину от 17 декабря 1900 г. ПСС. Т. 72. С. 528.

Говоря о вере Толстого, прежде всего нужно подчеркнуть ее исключительную прочувствованность, продуманность и абсолютную завершенность. Все составляющие этой веры, все вопросы и ответы существуют и развиваются в единстве друг с другом и, в конечном счете, сходятся в одной точке. При этом простота оказывается ключевой особенностью этого схождения, поскольку состояние веры, будучи способом удерживания бесконечности в настоящем, может подразумевать только такое содержание, которое можно успеть проговорить в течение исчезающего мгновения этого настоящего. В то же время это содержание — любовь — есть «проявление божественной сущности, для которой нет времени, и потому любовь проявляется только в настоящем, сейчас, во всякую минуту настоящего»[74]. На самом деле эту веру трудно зафиксировать в каком-то законченном виде, поскольку по своей сути она есть постоянное движение от себя к Богу, в котором нет и не может быть определенных законов и правил, а христианские заповеди «суть как бы заметки на бесконечном пути совершенства, к которому идет человечество»[75]. Вера, к которой пришел Толстой, есть сама жизнь, точнее, неизбежное как дыхание условие жизни[76].

Проблема трансляции веры

Среди множества инвектив, высказанных в адрес Толстого в связи с его представлением о вере, в этом разделе я рассмотрю упреки в индивидуализме (о чем уже шла речь выше) в более широком контексте проблемы трансляции Толстым своих убеждений и возможности (и/или ограниченности) понимания его убеждений другими людьми.

Есть много свидетельств изумления и негодования, но также и восхищения, которое взгляды Толстого после его обращения вызывали как у близких к нему, так и у далеких от него людей. А.А. Толстая, близкий друг и в то же время противник религиозных взглядов Толстого, дала ему такую характеристику:

> Он всегда жил только своими впечатлениями, своими мыслями, не допуская никакого влияния со стороны и не придавая убежде-

74. *Толстой Л.Н.* Путь жизни. ПСС Т. 45. С. 336.

75. *Толстой Л.Н.* Царство Божье внутри нас. ПСС, т. 28, с. 80.

76. Л.Н. Толстой. Письмо А.Е. Алехину от 11 апреля 1909 г. ПСС, т. 79. С. 155.

> ниям других никакой ценности... Может быть, я ошибаюсь, но мне представляется подчас, что именно с этой точки исключительного верования в свои доводы Левочка и дошел шаг за шагом до того, что стал отвергать и ломать уже не людские мнения, но и Слово Божие, когда оно поперечно его убеждениям. Он искал Бога, но без смирения, и нашел только себя, то есть какой-то новый, уродливый кодекс, им выдуманный, и которым он дорожит и *гордится* именно потому, что он выработал его сам[77].

О. Иоанн Кронштадтский, непримиримый противник Толстого, писал о нем так: «“Я, и никто, кроме меня, — мечтает Толстой. — Вы все заблуждаетесь; я открыл истину и учу всех людей истине!”»[78]. М.А. Новоселов, сначала последователь Толстого, а затем суровый критик высказал ему следующее обвинение: «Ваш Бог есть только Ваша идея, которую Вы облюбовали и облюбовываете, перевертывая ее со стороны на сторону в течение двух десятилетий. Вы никак не можете выйти из заколдованного круга собственного “я”»[79].

В свою очередь, В.Г. Чертков — самый близкий друг и соратник Толстого — подчеркивал, что тот «всегда действовал, не следуя никакой извне навязанной ему программе и не поддаваясь ничьему личному влиянию. Он самобытно руководствовался одним только указанием своего внутреннего сознания»[80]. Н.О. Лосский писал о «необычайно широких размерах», в которых Толстой проявлял свою индивидуальность и осуществлял всестороннее развитие[81].

Выше уже говорилось о том, что Толстой пришел к своему пониманию веры после того, как удостоверился в бесполезности

77. *Толстая А.А.* Письмо С.А. Толстой от 19 июля 1882 г. // Л.Н. Толстой и А.А. Толстая. Переписка 1857–1903. М.: Наука, 2011. С. 533.

78. *О. Иоанн Кронштадтский.* Ответ на обращение гр. Л.Н. Толстого к духовенству // Л.Н. Толстой: Pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей. С. 367.

79. *Новоселов М.А.* Открытое письмо графу Л.Н. Толстому от бывшего единомышленника по поводу ответа на постановление Святейшего Синода (1901). Л.Н. Толстой: Pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей. С. 381.

80. *Чертков В.Г.* Уход Толстого. М.: Издание Центрального Товарищества «Кооперативное Издательство» и издательства «Голос Толстого», 1922. С. 67. Это высказывание следует воспринимать в контексте ситуации с завещанием Толстого, однако, как мне представляется, по смыслу оно гораздо шире.

81. *Лосский Н.О.* Нравственная личность Толстого. Л.Н. Толстой: Pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей. С. 233.

следовать чьим бы то ни было путем. Безусловно, он прекрасно знал о том, какие бурные чувства вызывали его взгляды и не мог оставаться к этому равнодушным:

> Весь смысл моих писаний тот, что я высказываю *свою*, свою личную веру… Я часто удивляюсь раздражению, к[оторое] вызывает мое исповедание веры… Друзья мои, семейные даже, отворачиваются от меня. Одни — либералы и эстетики считают меня сумасшедшим или слабоумным вроде Гоголя; другие — революционеры, радикалы считают меня мистиком, болтуном; правительственные люди считают меня зловредным революционером; православные считают меня диаволом. — Признаюсь, что это тяжело мне[82].

Тем не менее, как подчеркивает А.А. Гусейнов, Толстой «ни в коем случае не мог бы согласиться с тем, что его суждения имеют статус мнения, являются одной из точек зрения»[83]. Причины этому, по крайней мере, две: во-первых, Толстой был совершенно убежден в том, что его личный путь в вере при всей своей уникальности был в то же время универсальным. Он писал об этом так: «Я так твердо уверен в том, что то, что для меня истина, есть истина всех людей, что вопрос о том, когда какие люди придут к этой истине, мне не интересен»[84]. Эта уверенность в универсальном смысле веры в жизни людей постоянно укреплялась и расширялась до масштабов всего человечества по мере того, как Толстой убеждался в том, что в своем толковании Евангелия как ответе на вопрос о смысле жизни он был не одинок:

> Этот самый ответ на вопрос жизни более или менее ясно высказывали все лучшие люди человечества и до и после евангелия, начиная с Моисея, Исаии, Конфуция, древних греков, Будды, Сократа и до Паскаля, Спинозы, Фихте, Фейербаха и всех тех, часто незаметных и непрославленных людей, которые искренно, без взятых на веру учений, думали и говорили о смысле жизни[85].

82. *Толстой Л.Н.* Письмо А.А. Толстой, 1884 г. ПСС. Т. 63. С. 201.

83. *Гусейнов А.А.* Философское наследие Л. Н. Толстого. Интервью Предрага Чичовачки. С. 10.

84. *Толстой Л.Н.* Письмо В.Г. Черткову от 19 мая 1884 г. ПСС. Т. 85. С. 60.

85. *Толстой Л.Н.* Христианское учение. ПСС. Т. 39. С. 119.

Во-вторых, поскольку вера и дела, согласно Толстому, тождественны, как это показано выше, то с момента обретения веры он воспринимал свою деятельность как миссию, считая для себя невозможным не высказываться о вере публично, даже опасаясь быть неверно понятым и вступить в конфликт с «царствующей верой»[86]. Поскольку каждый человек, следующий Христу как посланнику истины также должен быть посланником[87], постольку, подобно летящему камню, человек должен стремиться к цели и радоваться тому, «что он летит, и знает, что сам он ничто — камень, а все его значение в этом полете»[88]. В произведении «В чем моя вера?» Толстой писал:

> Я верю, что моя жизнь и знание истины есть талант, данный мне для работы на него, что этот талант есть огонь, который только тогда огонь, когда он жжет. Я верю, что я — Ниневия по отношению к другим Ионам, от которых я узнал и узнаю истину, но что и я Иона по отношению к другим ниневитянам, которым я должен передать истину[89].

Эта посланническая миссия была основана на уверенности в сущностном единстве всех людей, вследствие чего увеличение веры одного человека оказывается условием увеличения ее у всех людей[90]. Ссылаясь на Лао-Цзы, Толстой писал: «Для того, чтобы достигнуть великого, человек должен делать малое; но верить, что в этом малом спасение не только его, но всего мира;... Нужно верить в огромность этого дела»[91].

Но у этого ощущения миссии, родившейся из внутренней свободы и права на высказывание своей личной веры, была и другая сторона — сомнения в собственной искренности, потребность в обретении единомышленников, разочарование в своих надеждах и чувство бесконечного одиночества. Толстой с самого начала стремился удостовериться в подлинности мотивов, подвигавших его к публичному высказыванию своих убеждений, опасаясь

86. *Толстой Л.Н.* Письмо А.А. Толстой, 1884 г. ПСС. Т. 63. С. 200.

87. *Толстой Л.Н.* Письмо В.Г. Черткову, 30 января — 3 февраля 1885 г. ПСС. Т. 85. С. 136.

88. *Толстой Л.Н.* Письмо Н.Н. Ге (сыну) от 4 февраля 1885 г. ПСС. Т. 63. С. 207.

89. *Толстой Л.Н.* В чем моя вера? ПСС. Т. 23 С. 461.

90. *Толстой Л.Н.* Дневник 1894 г., 21 апреля. ПСС. Т. 52. С. 116.

91. *Толстой Л.Н.* Письмо В.Г. Черткову от 21 сентября 1893 г. ПСС. Т. 87. С. 223.

тщеславия, гордости и самообмана[92]. Он прекрасно осознавал опасность смешения двух мотивов — деятельности для Бога и для мирской славы, поскольку очень сложно провести границу между ними: «Иногда бывает, что думаешь, что веришь в то, во что не веришь, а иногда наоборот — думаешь, что не веришь в то, во что веришь»[93]. Он признавался в недостатке близких людей, разделявших его веру, страстно желая передать на суд единоверцев свои убеждения[94]. Он постоянно искал примеры истинной веры среди огромного множества людей, с которыми общался, очаровываясь ими и разочаровываясь в них. Он постоянно подчеркивал, что у него не было никакого собственного учения, отличного от учения Христа, которое, в свою очередь, будучи движением от человека к Богу, не содержит и не может содержать никаких определенных законов и правил и перед которым были равны «всякая степень совершенства и всякая степень несовершенства»[95].

Наконец, Толстой остро чувствовал свое одиночество в простом человеческом смысле. Он писал в Дневнике от 3 апреля 1892 г.:

> Я один, а людей так ужасно, бесконечно много, так разнообразны все эти люди, так невозможно мне узнать всех их — всех этих индейцев, малайцев, японцев, даже тех людей, кот[орые] со мной всегда — моих детей, жену... Среди всех этих людей я один, совсем одинок и один. И сознание этого одиночества, и потребности общения со всеми людьми, и невозможности этого общения достаточно для того, чтобы сойти с ума. Одно спасение — сознание внутреннего, через Бога, общения со всеми ими. Когда найдешь это общение, перестает тревожить потребность внешнего общения[96].

Но несмотря на все это, Толстой никогда не отступал от своего понимания веры и ее содержания — учения Христа о непротивлении злу силой. За несколько недель до смерти от писал о том, что, наконец, всем свои существом ясно понял границу между противлением как «деланием зло за зло» и «противлением не-

92. *Толстой Л.Н.* Письмо В.И. Алексееву от 15–30? ноября 1881 г. ПСС. Т. 63. С. 80.
93. *Толстой Л.Н.* Письмо Е.И. Попову от 16 сентября 1890 г. ПСС. Т. 65. С. 162.
94. *Толстой Л.Н.* Письмо В.Г. Черткову от 6–7 июня 1885 г. ПСС. Т. 85. С. 223.
95. *Толстой Л.Н.* Царство Божье внутри нас. ПСС. Т. 28. С. 79.
96. *Толстой Л.Н.* ПСС. Т. 52. С. 64–65.

уступания в той своей деятельности, к[отор]ую признаешь своим долгом перед своей совестью и Богом»[97]. Толстой прошел огромный путь в вере — от мечты об основании собственной религии через страстное отрицание веры того типа, который он считал «обманом»[98], через неприятие людей, которые были с ним не согласны, к твердой убежденности в том, что истинная вера подразумевает терпимость по отношению к другим верам. Он пришел к этому после соприкосновения с невероятным количеством людей, как понимающих и принимающих его убеждения, так и совершенно нетерпимых к ним. В конце концов, он понял, что каждый человек имеет ту веру, которая соответствует его (ее) уму и сердцу, и поэтому невозможно требовать от людей, чтобы они верили по чьей-то указке. Кроме того, в том случае, когда вера является результатом исключительно индивидуального пути, очевидно, что преимущество свободы и независимости при трансляции этой веры другим людям оборачивается своей ограниченностью. Другими словами, тогда вместе с верой нужно транслировать и разделять индивидуальный опыт, а это вряд ли возможно. В Записной книжке от 11 февраля 1908 г. Толстой отметил: «Никак нельзя внушить, передать другому религиозное мировоззрение… Можно тольк[о] дать материалы для образования своего миросозерцания, а брать из них, ч[то] ему нужно, будет брать он сам»[99]. А вот что он писал об этом Александре Андреевне Толстой, которая много лет была одним из его основных оппонентов в споре о вере:

> Истина эта давно всем известна, и я только недавно сердцем почувствовал ее, понял, как вера человека (опять если она искренна) не может уменьшить его достоинств и моей любви к нему. И с тех пор я перестал желать сообщать свою веру другим и почувствовал, что люблю людей совершенно независимо от их веры и нападаю только на неискренних, на лицемеров, к[оторые] проповедуют то, во что не верят[100].

97. *Толстой Л.Н.* Письмо В.Г. Черткову от 16 сентября 1910 г. ПСС. Т. 89. С. 213.

98. См. об этом: *Гельфонд М.Л.* Вера как стратегия жизни (Размышления о природе веры Л.Н. Толстого).

99. *Толстой Л.Н.* ПСС. Т. 56. С. 311.

100. *Толстой Л.Н.* Письмо А. А Толстой от 21 февраля 1903 г. ПСС. Т. 74. С. 48–49.

Так чем же была для Толстого вера? В экзистенциальном смысле вера человека и есть сам человек, точка опоры, на которой строится вся жизнь человека и что дает ему возможность развиваться. У каждого человека такая точка опоры своя: «Все зависит от веса его требован[ий] сердца и разума»[101]. Вера есть единственное средство обретения своего подлинного «я»: «Вера это только сознание своего положения — своего положения не выше, а главное не ниже, не ничтожнее, чем оно есть»[102]. Такая вера слагается из сложных, невыразимых словами духовных процессов, которые соединяют человека с Богом, и эта связь не допускает никакого постороннего вмешательства. Такая вера накладывает на каждого истинно верующего человека обязанность уважать искреннюю веру других людей и не вмешиваться в нее. «Если я когда отступал от этого правила, — пишет Толстой, — то я всем сердцем каюсь в этом и прошу прощения у тех, чувство которых я оскорбил этим»[103].

Заключение: Толстой для нас

Прежде чем говорить о том, что сегодня мы можем услышать в словах Толстого о вере, я хочу высказать некоторые соображения методологического характера. Выше уже говорилось о том, что Толстой (как, впрочем, всякий художник и мыслитель), безусловно, заслуживает, чтобы (в соответствии с известной пушкинской максимой) его судили по законам, которые он сам над собой признает. Соответственно, веру Толстого в единстве ее экзистенциального и предметного содержания не следует относить ни к ведомству философии, ни религии, ни художественного творчества; соответственно, ее нельзя анализировать, используя методы этих ведомств. Вера Толстого — это не умственное построение и не религиозное учение, но отношение к жизни как таковой и сама его жизнь, и эта вера имеет безусловное право быть такой, какая она есть, уже потому, что дала ему возможность ответить на тот единственный вопрос, который он перед собой поставил: кто он?

101. *Толстой Л.Н.* Дневник 1910 г. от 27 марта. ПСС. Т. 58. С. 30.

102. *Толстой Л.Н.* Письмо В. Г. Черткову от 23? Декабря 1889 г. ПСС. Т. 86. С. 281.

103. *Толстой Л.Н.* Черновое письмо неизвестному адресату от 21 июня 1909 г. ПСС. Т. 79. С. 241.

Исследователь, который желает дать адекватную интерпретацию чьей-либо точки зрения, не должен быть ни адептом, ни судьей. Скорее, как об этом писал А. Пятигорский, он должен быть наблюдателем мышления других людей, при этом не отказываясь от своей собственной точки зрения, но наблюдая ее (как и все прочие) как *другую*: «Позиция наблюдателя тогда будет относиться не к наблюдению *мира*, о котором мыслят другие и он сам, а только к их и своему *мышлению* об этом мире. Такая позиция условно может быть названа *мета-позицией*»[104]. Такая метапозиция по отношению к вере Толстого, как мне представляется, исключает ее оценку в качестве истинной или ложной (которая неизбежно будет субъективной), но заключается в стремлении видеть эту веру в контексте всей его жизни и творчества и в безусловном доверии к его собственным словам. Это доверие оправдано, во-первых, исключительной и подтвержденной временем целостностью его веры, и во-вторых, его беспощадным предоставлением себя в качестве одновременно субъекта веры и наблюдателя самого себя, «обитателя» (*resident*) и «чужака» (*stranger*) по отношению к самому себе, если воспользоваться метафорой Р. Густафсона[105].

Что же для нас сегодня является самым важным в разговоре о вере Толстого? Я думаю, оно заключается именно в том, за что его больше всего упрекали, а именно, в предельно *индивидуальном* характере его веры. То, что в начале XX в. многими воспринималось как злостное нарушение общепринятых правил, в начале XXI в. стало одной из характерных черт современного общества, в котором существуют самые разнообразные индивидуальные формы веры, траекторию которой человек может составить самостоятельно.

Инесса Меджибовская высказала интересную мысль о том, что Толстой «был первым русским человеком модерности, первым защитником автономной свободы совести, ее первым последовательным и смелым местом контакта, ее открытой практикой и форумом»[106]. При этом индивидуализация веры у Толстого удивительным образом соответствует тому, что Ульрих Бек называл

104. *Пятигорский А.М.* Позиция наблюдающего современное мышление. История и утопия // Пятигорский А. Избранные труды. М., 1996. С. 353.

105. Gustafson, R.F. *Leo Tolstoy, Resident and Stranger*.

106. Medzhibovskaya, I. *Tolstoy and the Religious Culture of His Time: A Biography of a Long Conversion, 1845–1887,* p. 352.

«второй модерностью» (вторая половина XX в.). В его трактовке, индивидуализация религии, инициированная Реформацией («первая модерность»), происходила внутри христианства, тогда как во «второй модерности» происходит индивидуализация самой религии, когда каждый человек, независимо от того, придерживается ли он какой-либо устоявшейся религиозной системы или же формирует ее сам, делает это так, как будто создает свою собственную религию или, по выражению У. Бека, «своего собственного Бога»[107]. Люди теперь могут самостоятельно формировать свою религиозную идентичность, заимствуя ее элементы из различных источников, не обязательно связанных между собой.

Это формирование часто представляет собой процесс конструирования и реконструирования индивидуальной религиозной идентичности на основе свободного сочетания элементов различных традиций. Здесь важно подчеркнуть, что люди, которые это делают, теперь не зависят от власти внешних догматических авторитетов, но, по выражению английских социологов Пола Хиласа и Линды Вудхед, имеют «мужество быть своим собственным авторитетом»[108]. Конечно, при всей важности процесса индивидуализации религии, она, безусловно, не является неким общеобязательным направлением развития современного общества, но представляет собой лишь тенденцию, проявляющуюся в самых разнообразных формах. Канадский философ Чарльз Тейлор назвал эту ситуацию в современной культуре «массовым субъективным поворотом..., новой формой внутреннего состояния, в которой мы приходим к представлению о себе как о созданиях, обладающих внутренней глубиной»[109].

В современном плюралистическом мире, наполненном бесконечным количеством самых разных культур, людей и мировоззрений, которые сочетаются самыми разнообразными способами, Толстой становится собеседником, который своим примером демонстрирует одновременную укорененность в собственной культуре, доверие к собственным убеждениям и в то же время открытость к другим традициям и уважение к инаковости и различиям.

107. Beck, U. (2010). *A God of One's Own: Religion's Capacity for Peace and Potential for Violence*, Cambridge: Polity Press, p. 81.

108. Heelas, P., Woodhead, L. (2005) *The Spiritual Revolution. Why Religion is Giving Way to Spirituality*, p. 4. Oxford, Blackwell.

109. Taylor, Ch. (1991) *The Ethics of Authenticity,* p. 26. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

Как отмечает А.А. Гусейнов, в Толстом «нет культовых, национальных, сословных, исторических, каких-либо иных ограничений, которые делали бы его неприемлемым для представителей какой-либо религии»[110].

Важнейшей проблемой современного плюралистического мира, которая активно обсуждается в социально-политических науках, является проблема принятия «другого», которое возможно лишь в случае признания права другого на иное мнение и образ жизни в качестве равноценного компонента общественной жизни. Если говорить о религиозном плюрализме, то здесь эта проблема заключается в необходимости совместить внешне несовместимые вещи: веру в истинность собственной религии и допущение истины других религий. Однако на это можно посмотреть иначе, а именно, допустить, что на современном этапе индивидуализации религии обладание единственной истиной, так же как поддержание догматической чистоты вероучения во многих случаях перестает быть самоцелью. Наоборот, множественность религиозных систем оказывается источником духовного развития людей. По словам Даниэлы Эрвье-Леже,

> легитимация веры переходит от религиозных институтов — когда-то гарантов истинной веры — к самим индивидам, которые теперь сами ответственны за подлинность своих духовных смыслов. Теперь ценность духовного поиска — и в глазах самого индивида, и в глазах тех, с кем он вступает в диалог и перед кем свидетельствует, — заключена в его искренности и личной убежденности[111].

В этом случае совмещение разных религиозных представлений и традиций воспринимается как норма и способ узнать больше о своем собственном религиозном опыте, а также об опыте других людей. Поскольку теперь никто не обязан быть правым в смысле обладания религиозной истиной, вступает в силу максима, согласно которой «свобода религии есть свобода религии других людей»[112].

110. *Гусейнов А.А.* Философское наследие Л.Н. Толстого [интервью Предрага Чичовачки]. С. 12.

111. *Эрвье-Леже Д.* В поисках определенности: парадоксы религиозности в обществах развитого модерна // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 1. С. 256–257.

112. Beck, U. *A God of One's Own: Religion's Capacity for Peace and Potential for Violence*, p. 141.

Убежденность Толстого в единстве всех религий позволяет найти выход из дилеммы принятия истины «другого», поскольку «золотое правило нравственности» как единственное общее содержание всех религий не только допускает, но подразумевает различия в религиозных убеждениях во всем остальном, кроме самого этого правила. Другими словами, единство религий заключается в принципе, который управляет отношениями между людьми, а не в конкретном содержании вероучений, которое может быть сколь угодно различным. Именно это — а не свое исключительное право на владение истиной — страстно отстаивал Толстой, когда писал: «Я не говорю, что я один в истине и что все верующие иначе заблуждаются, но прошу и всех других относиться ко мне так же»[113]. Таким образом, вывод, который неизбежно вытекает из интерпретации веры Толстого в соответствии с его собственными принципами, заключается в признании права Толстого, как и всех других людей, на собственную веру, которое есть единственное условие, дающее нам право на свободное исповедание своей веры. И наоборот — если мы отказываем другим людям в этом праве, то тем самым отказываем в нем и себе.

Библиография / References

Бердяев Н. Ветхий и Новый Завет в религиозном сознании Л. Толстого // Л.Н. Толстой: Pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. Санкт-Петербург: Издательство Русского христианского гуманитарного института, 2000. С. 243–263.

Гельфонд М.Л. Вера как стратегия жизни (Размышления о природе веры Л.Н. Толстого) // Этическая мысль. М., 2009. Выпуск 9. С. 65–84.

Гельфонд М.Л. Л.Н. Толстой как философ: Pro et Contra // Этическая мысль. М., 2010. Выпуск 10. С. 174–188.

Гусейнов А.А. Разумная вера Л.Н. Толстого // Сравнительная философия. Знание и вера в контексте диалога культур. М.: «Восточная литература» РАН, 2008. С. 288–304.

Гусейнов А.А. Философское наследие Л.Н. Толстого. Интервью Предрага Чичовачки // Философский журнал, 2018. Т. 11. № 2. С. 5–21. DOI: 10.21146/2072-0726-2018-11-2-5-21

Гусейнов А.А., Щедрина Т.Г. (ред.) Лев Николаевич Толстой. М.: РОССПЭН, 2014.

Густафсон Р.Ф. Обитатель и Чужак. Теология и художественное творчество Льва Толстого. Санкт-Петербург: Академический проект, 2003.

113. *Толстой Л.Н.* Письмо М.М. Дондуковой-Корсаковой от 31 августа — 1 сентября? 1909 г. ПСС. Т. 80. С. 83.

Зеньковский В.В. Проблема бессмертия у Л.Н. Толстого // Л.Н. Толстой: Pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей. С. 500–527.

Зорин А. Жизнь Льва Толстого: опыт прочтения. М.: Новое литературное обозрение, 2020.

О. Иоанн Кронштадтский. Ответ на обращение гр. Л.Н. Толстого к духовенству // Л.Н. Толстой: Pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей. С. 359–367.

Новоселов М.А. Открытое письмо графу Л.Н. Толстому от бывшего единомышленника по поводу ответа на постановление Святейшего Синода (1901) // Л.Н. Толстой: Pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей. С. 375–385.

Орвин Д. Искусство и мысль Толстого. 1847–1880. Санкт-Петербург: Академический проект, 2006.

Ореханов Г., свящ. Русская Православная Церковь и Л.Н. Толстой: конфликт глазами современников. М.: Издательство ПСТГУ, 2010.

Ореханов Георгий [протоиерей]. Лев Толстой. «Пророк без чести»: хроника катастрофы. М.: Эксмо, 2016.

Паперно И. «Кто, что я?»: Толстой в своих дневниках, письмах, воспоминаниях, трактатах. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

Пятигорский А.М. Позиция наблюдающего современное мышление. История и утопия // Пятигорский А. Избранные труды. М., 1996. С. 353–357.

Седакова О.А. Весть Льва Толстого // Лев Николаевич Толстой. М.: РОССПЭН, 2014. С. 35–47.

Толстой Лев Николаевич. Полное собрание сочинений в 90 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1935–1958.

Л.Н. Толстой и А.А. Толстая. Переписка 1857–1903. М.: Наука, 2011.

Флоровский Г.В. У истоков // Л.Н. Толстой: Pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей. С. 676–683.

Франк С.Л. Нравственное учение Л.Н. Толстого // Л.Н. Толстой: Pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей. С. 299–308.

Франк С.Л. Памяти Льва Толстого // Л.Н. Толстой: Pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей. С. 544–555.

Федоров Н.Ф. Письмо к В. А. Кожевникову // Л.Н. Толстой: Pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей. С. 192–195.

Чертков В.Г. Уход Толстого. М.: Издание Центрального Товарищества «Кооперативное Издательство» и издательства «Голос Толстого», 1922.

Эрвье-Леже Д. В поисках определенности: парадоксы религиозности в обществах развитого модерна // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 1. С. 254–268.

Beck, U. (2010) *A God of One's Own: Religion's Capacity for Peace and Potential for Violence.* Cambridge: Polity Press.

Berdjaev, N. (2000) "Vethii i Novyi Zavet v religioznom soznanii L. Tolstogo" [Old and New Testament in L. Tolstoy's religious conscience], in *L.N. Tolstoi: Pro et contra. Lich-*

nost' i tvorchestvo L'va Tolstogo v otsenke russkih myslitelei i issledovatelei, pp. 243–263. Antologiia. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Russkogo khristianskogo gumanitarnogo instituta.

Chertkov, V.G. (1922) *Ukhod Tolstogo* [Tolstoy's leave]. Moscow: Izdanie Central'nogo Tovarishhestva «Kooperativnoe Izdatel'stvo» i izdatel'stva «Golos Tolstogo».

Fedorov, N.F. (2000) "Pis'mo k V.A. Kozhevnikovu" [Letter to V.A. Koshevnikov], in *L.N. Tolstoi: Pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo L'va Tolstogo v otsenke russkikh myslitelei i issledovatelei,* pp. 192–195.

Florovskii, G.V. (2000) "U istokov" [At the beginnings], in *L.N. Tolstoi: Pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo L'va Tolstogo v otsenke russkikh myslitelei i issledovatelei*, pp. 676–683.

Frank, S.L. (2000) "Nravstvennoe uchenie L.N. Tolstogo" [L.N. Tolstoy's ethical teaching], in *L.N. Tolstoi: Pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo L'va Tolstogo v otsenke russkikh myslitelei i issledovatelei*, pp. 299–308.

Frank, S.L. (2000) "Pamiati L'va Tolstogo" [In Leo Tolstoy's memory], in *L.N. Tolstoi: Pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo L'va Tolstogo v ocenke russkikh myslitelei i issledovatelei*, pp. 544–555.

Gel'fond, M.L. (2009) "Vera kak strategiia zhizni (Razmyshleniia o prirode very L.N. Tolstogo)" [Faith as life strategy (reflections on the essence of L.N. Tolstoy's faith)], *Jeticheskaia mysl'* 9: 65–84.

Gel'fond, M.L. (2010) "L.N. Tolstoi kak filosof: Pro et Contra" [L.N. Tolstoy as philosopher: Pro et Contra], *Jeticheskaja mysl'* 10: 174–188.

Gusejnov, A.A. (2008) "Razumnaia vera L.N. Tolstogo" [L.N. Tolstoy's rational faith], in *Sravnitel'naia filosofija. Znanie i vera v kontekste dialoga kul'tur*, pp. 288–304. Moscow: «Vostochnaia literatura» RAN.

Guseinov, A.A. (2018) "Filosofskoe nasledie L.N. Tolstogo. Interv'iu Predraga Chichovachki" [L.N. Tolstoy's philosophic legacy. Predrag Chichovachki's interview], *Filosofskii zhurnal* 11 (2): 5–21.

Guseinov, A.A., Shhedrina, T.G. (ed.) (2014) *Lev Nikolaevich Tolstoi* [Lev Nikolaevich Tolstoy]. Moscow: ROSSPeN.

Gustafson, R.F. (1986) *Leo Tolstoy, Resident and Stranger: A Study in Fiction and Theology*. Princeton: Princeton University Press.

Heelas, P., Woodhead, L. (2005) *The Spiritual Revolution. Why Religion Is Giving Way to Spirituality*. Oxford, Blackwell.

Hervieu-Léger, D. (2015) "V poiskakh opredelennosti: paradoksy religioznosti v obshhestvah razvitogo moderna" [In search of certainties: the paradoxes of religiosity in societies of high modernity], *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 1: 254–268.

O. Ioann Kronshtadtskii (2000) "Otvet na obrashhenie gr. L.N. Tolstogo k duhovenstvu" [Responce on Count L. N. Tolstoy's appeal to the clergy], in *L.N. Tolstoi: Pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo L'va Tolstogo v otsenke russkikh myslitelei i issledovatelei,* pp. 359–367.

McLean, H. (2008) *In Quest for Tolstoy*. Brighton, MA: Academic Studies Press.

L.N. Tolstoi i A.A. Tolstaia Perepiska. 1857–1903 (2011) [L.N. Tolstoy and A.A. Tolstaia. Correspondence, 1857–1903]. Moscow: Nauka.

Medzhibovskaya, I. (2009) *Tolstoy and the Religious Culture of His Time: A Biography of a Long Conversion, 1845–1887*. Lanham, MA: Lexington books/Rowman & Littlefield.

Medzhibovskaya, I. ed. (2019) *Tolstoy and His Problems: Views from the Twenty-First Century*. Northwestern University Press.

Novoselov, M.A. (2000) "Otkrytoe pis'mo grafu L.N. Tolstomu ot byvshego edinomyshlennika po povodu otveta na postanovlenie Svjatejshego Sinoda (1901)" [Open letter to Count L. N. Tolstoy from former adherent regarding response to the Holy Synod's statement (1901)], in *L.N. Tolstoi: Pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo L'va Tolstogo v otsenke russkikh myslitelei i issledovatelei,* pp. 375–385.

Orehanov, G., sviashh. (2010) *Russkaia Pravoslavnaia Tserkov' i L.N. Tolstoi: konflikt glazami sovremennikov* [Russian Orthodox Church and L.N. Tolstoy: conflict through eyes of contemporaries]. Moscow: Izdatel'stvo PSTGU.

Orehanov, G. [protoierei] (2016). *Lev Tolstoi. «Prorok bez chesti»: khronika katastrofy* [Leo Tolstoy. "A prophet without honor": chronicale of catastrofy]. Moscow: EKSMO.

Orwin, D.T. (1993) *Tolstoy's Art and Thought, 1847–1880*. Princeton: Princeton University Press.

Paperno, I. (2014) *"Who, What Am I?": Tolstoy Struggles to Narrate the Self*. Cornell University Press.

Piatigorskii, A. M. (1996) "Pozitsiia nabliudaiushhego sovremennoe myshlenie. Istoriia i utopiia" [Position of modern thinking's observer: history and utopia], in Piatigorskii A. *Izbrannye trudy*, pp. 353–357. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Sedakova, O.A. (2014) "Vest' L'va Tolstogo" [Leo Tolstoy's message]. *Lev Nikolaevich Tolstoi*, pp. 35–47. Moscow: ROSSPeN.

Taylor, Ch. (1991) *The Ethics of Authenticity*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

Tolstoy Lev Nikolaevich (1935–1958) *Polnoe sobranie sochinenii v 90 t* [Tolstoy Lev Nikolaevich. Complete works in 90 vol.]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury.

Zen'kovskij, V.V. (2000) "Problema bessmertiia u L.N. Tolstogo" [The problem of immortality in L.N. Tolstoy], in *L.N. Tolstoi: Pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo L'va Tolstogo v otsenke russkikh myslitelei i issledovatelei*, pp. 500–527.

Zorin A. (2020) *Zhizn' L'va Tolstogo: opyt prochteniia* Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. [English edition: Andrei Zorin (2020). *Leo Tolstoy*. Reaktion Books.]